

К читателям 2017 года.

Статья, предлагаемая вашему вниманию, почти целиком была написана около 20 лет назад. К несчастью – не только для меня, но, убежден, для современной марксистской исторической науки, – ее главного автора, Елены Николаевны Харламенко, нет с нами уже девять лет. Перечитав нашу совместную статью, я убедился, что буквально ни одна строка в ней нисколько не устарела.

По праву соавтора, товарища по общему делу и самого близкого человека решаюсь предложить статью, с самой минимальной правкой, сегодняшним читателям. Пусть это станет данью памяти Елены, памяти героев всех российских революций. По символическому совпадению, именно сегодня исполняется 100 лет победы вооруженного восстания рабочих и солдат Петрограда как решающей силы Февральской революции, которую нынешние горе-патриоты пытаются свести чуть ли не к дворцовому перевороту, но с научных позиций можно с полным правом рассматривать в качестве первого этапа Великой Советской революции, изменившей облик мира XX века.

А.В. Харламенко.

Е.Н. Харламенко, А.В. Харламенко.

Какую же Россию мы потеряли?

Помните ли Вы, дорогой читатель, как делегаты одного из последних съездов Советов затаив дыхание смотрели шедевр С. Говорухина “Россия, которую мы потеряли”, а потом дружно голосовали за независимость России от неё самой, за белогвардейско-власовский флаг и за президента, которому в скором времени предстояло их разогнать? А виной тому, что мы её потеряли – разумеется, не в девяностых годах, а ещё в семнадцатом, – “октябрьский переворот Ленина и Троцкого», как вслед за белогвардейскими и геббельсовскими пропагандистами называют это событие теперешние «демократы» и «национал-патриоты».

Для господ демократов, теперь тоже подавшихся в оппозицию режиму, ими же установленному, Октябрь плох уже тем, что совлёк Россию с «естественного», «нормального», «общечеловеческого» пути развития; другими словами, из-за него «эта страна» выпала из мировой цивилизации непонятно куда и вот только теперь – ура! – в неё возвращается.

Для господ национал-патриотов, кои на дух не переносят господ демократов, всё обстоит вроде бы наоборот: не было на свете страны счастливее матушки Руси, покуда она шла собственным, исконно-посконным, путем православия, самодержавия и народности; все беды оттого, что её с этого пути сбили сперва западники-либералы в феврале 1917 г., а потом интернационалисты-большевики, принесшие её счастье в жертву молоху мировой революции. Кто не верит, пусть почитает хотя бы новейшее Елены Чудиновой «Победители»: Как процвела бы Россия, если бы в Гражданской войне белые одолели красных, а не наоборот.

Наконец, некоторые из левых в России и за её пределами вслед за Каутским и Плехановым одобряют Февраль, но что касается Октября, – они не то чтобы «против», но и не совсем «за». Что поделаешь, не созрела Россия до настоящего социализма, не успела она до 1917 г. развить у себя капитализм, как в цивилизованных странах, отсюда и все последующие беды.

Что же мы в действительности потеряли и что приобрели в октябре 1917 года? Имея дело с полярными позициями, подкрепленными силой авторитетов, власти и денег, попытаемся не поддаваться манипулированию, не воспринимать готовых установок, а выработать собственную позицию. Для этого надо, во-первых, избавиться от необъятного и неопределенного «мы», которым явно злоупотребляют политики и публицисты всех направлений. Употребляя для краткости это местоимение, условимся, что будем понимать под ним трудящийся и эксплуатируемый народ России, а не тех немногих, «кому на Руси жить хорошо». Во-вторых, надо опираться не на романтические легенды, а на исторические факты, в том числе те, которые уже не один год, а то и не одно десятилетие, намеренно предают забвению.

Мы потеряли страну не самую отсталую – если говорить о нескольких городских центрах промышленности, науки и культуры, – но бесспорно самую бедную в Европе. Нигде, кроме Бразилии и азиатских колоний и полуколоний, не было таких массовых,

целыми губерниями, и таких регулярных, каждые 6-7 лет, голодовок с миллионами жертв, как в России. Да, она кормила своим хлебом чуть не всю Европу, и об этом с восторгом пишут наши демократы и патриоты. Им и в голову не приходит, что в стране, расположенной почти целиком в зоне рискованного земледелия, зерновой экспорт может быть только голодным. И это даже при передовой агротехнике и высоких урожаях. Дореволюционная же Россия, несмотря на все усилия Докучаева и его школы, славилась оскудением почв опять-таки в целых губерниях, в том числе чернозёмных; водной и ветровой эрозией по всему югу (лесополосы, рекомендованные тем же Докучаевым, начнут сажать уже при Советской власти); опустошениями полей саранчой, головней, спорыньей и прочим. Да иначе и быть не могло на карликовых крестьянских наделах (у 70 миллионов крестьян было почти столько же десятин земли, сколько у 75 тысяч помещиков), и при правящем режиме, не сумевшем даже толком использовать последний шанс, данный природой и историей, – массу свободных земель на востоке России (как известно, за целинные и залежные земли по-настоящему взялись только в середине XX века).

Мы потеряли одну из самых безграмотных стран Европы, делившую это незавидное первенство с Румынией и Сербией. Хуже было только в полуколониях и колониях, и то не во всех. Сто с небольшим лет назад, на исходе просвещённого XIX века, число грамотных в великорусских губерниях колебалось от 15 до 30 процентов. Земские статистики подсчитали, что при тогдашних темпах просвещения народа, например, в Смоленской губернии и к середине XX века 42-48 мужчин и 92-94 женщины из 100 были бы неграмотны. Что уж говорить о национальных окраинах, где, по аналогичным подсчетам, на ликвидацию безграмотности понадобилось бы около 2000 лет. Да вот вмешалась революция, и неграмотных не стало за какие-то 20 далеко не мирных лет (как, между прочим, и в других странах раннего социализма со всеми его недостатками). Не правда ли, какой страшный удар по «нашей» исконно-посконной духовности нанесли злодеи-большевики? То ли дело Временное правительство, ассигновавшее Святейшему Синоду вдвое больше, чем министерству промышленности...

Мы потеряли самую большую страну Европы. Где ещё, кроме опять-таки колоний и полуколоний, в начале XX века миллионы людей вымирали от оспы, холеры, тифов, малярии, туберкулеза, дифтерии? Где целые деревни были сплошь поражены сифилисом? Где акушерская помощь оказывалась только двум деревенским роженицам из ста? А проклятые большевики, едва успев прийти к власти, первым делом ввели обязательное оспопрививание – ни война, ни разруха не помешали. За те же 20 не очень мирных лет СССР избавился от оспы, холеры и чумы, а за послевоенные 15-20 лет – от тифов и малярии. Да и дифтерии с туберкулезом и сифилисом было не разгуляться, пока не подспела демократия. Одно слово, тоталитарно действовали коммунисты, не то что поборники демократии. Вот в Британии почти за 200 лет после Дженнера оспопрививание так и не стало обязательным. И в РФ при Ельцине прививки от дифтерии перестали быть обязательны – свобода так свобода!

Мы потеряли страну, где при самом многонациональном – не только в Европе, но, пожалуй, и в мире – составе населения ни один народ, ни одна национальная область, кроме Финляндии, не имели никакого самоуправления. Страну, едва ли не самую поликонфессиональную, где самодержавие упрямо сохраняло за православием положение государственной религии. Такой, с позволения сказать, политикой десятилетиями сеялись семена раздора везде, где только можно, – в Польше и Литве, на Украине и в Средней Азии, в Адыгее и Абхазии, в Дагестане и Чечне, – а кровавую жатву народы России и соседних стран пожинают до сих пор. Любимые нашими патриотами Александр III и Николай II прославили свою империю на весь мир чертой осёдлости,

ложными обвинениями мултанских удмуртов и еврея Бейлиса в человеческих жертвоприношениях, стравливанием армян и азербайджанцев. Наши патриоты ссылаются на то, что самодержавие всё-таки посылало войска для прекращения еврейских и армянских погромов. Надо же, какая заслуга – «мы» всё же чем-то отличались от султана Абдул Хамида и младотурецких временщиков! Как это похоже на старых и новых «хозяев земли русской»: сначала создать все условия для погромов, а потом хвататься за голову и посылать армию расхлёбывать кашу. Разве что те хозяева не говорили: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Везде и во всем господствующий класс словно нарочно превращал страну в пороховой погреб, не желая прислушаться не то что к доводам морали, но даже к элементарному инстинкту самосохранения. Всё тем же злодеям-большевикам пришлось собирать почти вконец распавшуюся страну – и ведь в основном собрали за какие-то пять лет.

«Патриотам»-антикоммунистам тут нечего возразить, и они предпочитают ничего этого не вспоминать вообще либо объяснять всё кознями жидомасонов и прочих супостатов. Чего стоит обвинение Ленина в развале России на союзные республики, хотя таковыми при нём были только те, что фактически отложились ещё до октября 1917 г.: где тут развал, а где объединение народов?

«Демократы» могут на всё это сказать: видите, мы были правы, Россия во многом оставалась варварской страной, ибо томилась под гнётом восточного деспотизма; вот приобщилась бы к передовой западной цивилизации – и двинулась бы вперед семимильными шагами, да помешали большевики и до сих пор мешают коммунисты. Звучит вроде бы убедительно, и поныне немало людей, особенно так называемых интеллигентов, этому верит.

Но уж чего-чего, а приобщения к западной цивилизации – только не воображаемой, а действительной – в предреволюционной России было более чем достаточно. В октябре 1917 г. мы потеряли одну из самых зависимых стран Европы. Потеряли страну, где минимум половина банковского капитала была во французских, английских, немецких руках. Если же взять крупнейшие банки, которые и были в российской экономике настоящими хозяевами, то иностранный контроль окажется почти полным. Капиталы этих банковских монополий были вложены в крупнейшие промышленные синдикаты, такие, как Продамет и Продуголь; правление последнего даже находилось в Париже, а устав был написан по-французски. Иностранным монополиям больше чем наполовину принадлежали донецкий уголь, бакинская нефть, ленское золото.

Со времен того же кумира национал-патриотов, Александра III, Россия все глубже залезала во внешние долги, выплатив к 1917 г. одних процентов вдвое больше, чем стоили основные фонды её промышленности (Вам, читатель, это ничего не напоминает?). Расплачивались не только деньгами, но и кровью русских солдат и офицеров: Россия вела теперь войны, угодные западным кредиторам, – от участия в позорном карательном походе в Китай до катастрофической для неё Первой мировой. Главные кредиторы менялись: до 1914 г. это была Франция, потом – Великобритания, а уже при Временном правительстве ей в затылок дышали США. Не менялся только «равноправный» характер их отношений с Россией. Французы создали специальный банк, чтобы руководить «кооперацией» в области промышленности; во главе его встали руководители компаний, хозяйничавших в африканских колониях. Англичане заставили петербургский кабинет подчинить русский торговый флот британскому Адмиралтейству и сами стали решать, что, где и почём будет покупать Россия. Они же, пользуясь разрухой в союзной стране, скупали по дешевке российские золотые и платиновые прииски, железные, медные, асбестовые, марганцевые рудники, месторождения осмия и иридия. Англичане, французы и бельгийцы совместно, на государственном уровне, создали одну из первых

транснациональных компаний для монопольной скупки русского леса и льна. Английские и французские банки предложили России заём за право монопольной продажи спичек по всей России на 10-20 лет. Американцы решили взять под контроль российские железные дороги и уже послали для этого военизированный контингент специалистов.

Не меньшее впечатление производит редко упоминавшаяся даже в советские годы история с поставками русского хлеба западным союзникам. У них была возможность закупить зерно в не тронутых войной США, Канаде, Австралии, Аргентине; но лучшие друзья Николая II предпочитали всё повышать и повышать требования поставок из России, истекавшей кровью ради их интересов. На 1917 г. Лондон и Париж потребовали ни много ни мало – 50 миллионов пудов, разумеется, по ценам ниже мировых и не за валюту, а в счет процентов по долгам (между прочим, союзная Франция ещё с 1914 г. наложила секвестр на русское золото, размещённое в её банках). Потребовали от голодающей страны, где в городах уже стояли длинные очереди за хлебом, а на фронтах оставался запас продовольствия на несколько дней. Потребовали – и получили полное согласие царского, а потом Временного правительства.

Больше всего поражает даже не бесцеремонность империалистических цивилизаторов, а отношение к ним российских «партнёров». Во имя «защиты отечества» правители посылали полуголодных солдат завоевывать Константинополь, чтобы без помех гнать на Запад зерно – больше ни для чего этот город не был нужен России. Сами же буквально распродавали страну, санкционируя все упомянутые и многие подобные им кабальные соглашения. И никаких попыток всерьёз постоять за суверенитет страны, хозяевами которой они себя мнили, – в лучшем случае робкое выторговывание грошей, а часто согласие с ходу, по принципу «чего изволите». У нынешних номенклатурных перерожденцев и прочих «новых русских» были достойные предшественники, недаром они теперь так обожают трехцветно-двуглавую атрибутику.

Далеко не во всякой стране, даже полукOLONиальной, господствующие классы покрывали себя таким позором. В Греции, оккупированной войсками Антанты, англичанам пришлось дважды свергать короля – между прочим, родственника Николая II, – не желавшего подчинять страну их диктату. В отсталой Персии стоило шаху дать табачную монополию английской компании, отняв это дело у национального капитала, как буржуазия и духовенство организовали бойкот монопольного табака, а потом и настоящее восстание со штурмом шахского дворца, так что монополию пришлось отменить, а самому главному монополисту – спастись бегством. В Корее японцам для того, чтобы завладеть страной, понадобилось убить королеву. Уж на что антинациональной была маньчжурская династия в Китае, но и там императрица хотя бы формально возглавила антиимпериалистическое восстание.

А «наши» императоры и императрицы, великие князья и министры, национальные предприниматели и православные иерархи? Если убийственные для страны поставки зерна состоялись не в полной мере, то не благодаря им. Уже после февраля 1917 г. на местах нашлись здравомыслящие люди, гражданские и военные, которые на свой страх и риск оставляли зерно голодающему народу и армии. Тогдашняя же «элита» если кому и уступала в услужливости, то только «нашей» же либеральной интеллигенции, состоявшей в партии кадетов. Её орган – газета «Речь», – освещая в декабре 1916 г. банкет с участием английского посла, уверяла читателей: «Иностранный капитал нам нужен, а английский капитал более культурен в своих приёмах, чем германский, и, главное, не имеет в виду политического влияния... Слухи о том, будто английский капитал «стремится поработить Россию», или невежественны, или злонамеренны...» А в это время британский консул в Омске давал понять местным властям, что устройство завода сельхозтехники в Томске излишне, т.к. сибирский рынок будет обеспечен машинами и орудиями из Англии.

Незадолго до того лондонская «Таймс» откровенно писала: «Мы являемся промышленной страной... Мы ставим себе целью посылать в Россию именно продукты промышленности в обмен на её сырьё, и развитие русской обрабатывающей промышленности может, по всей видимости, идти в ущерб нашим интересам, так же как и интересам Германии». Конечно, ни тут, ни там о политическом влиянии и речи не шло – одна чистая (или не очень) экономика...

Так или иначе, «победа» в мировой войне не сулила обескровленной стране ничего, кроме кабалы у «союзников» – вероятно, худшей, чем в случае поражения могла бы ей навязать Германия. Измену совершали не те, кто добивался выхода из такой войны, разрыва с такими союзниками и свержения такого режима хотя бы ценой его поражения, а те, кто заставлял народ любой кровью тянуть до «победного» (для кого?) конца. А чтобы вовремя понять это, требовалось быть марксистом, следовательно – интернационалистом. В XX, а тем более в XXI веке узкий националист не может быть настоящим патриотом, он обречён быть слепым орудием в руках врагов своей Родины.

Точно так же обстоит дело с буржуазными реформами вроде столыпинской, с которой столько носятся национал-патриоты. Для её успеха Столыпин просил – у кого? у господ бога? – «20 спокойных лет». История их не дала и не могла дать. Если бы даже каким-то чудом удалось отсрочить войну, грянул бы мировой экономический кризис – тот самый, который отсрочила война и который начался, как считают, с «черного вторника» на нью-йоркской бирже в октябре 1929 г. На самом же деле он начался годом ранее в агроэкспортных странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Не будь войны, кризис грянул бы гораздо раньше, и от столыпинского прогресса только клочья бы полетели. Сельское хозяйство Латинской Америки, шедшее путем, подобным тому, который намечал для России Столыпин, не оправилось от того кризиса до 60-х гг. А ведь надвигался ещё и социально-политический, революционный кризис мирового масштаба, отнюдь не большевиками порожденный. Революционные события начались ведь не в Российской империи, а в Британской, начались Дублинским восстанием 1916 года, а назревали ещё накануне войны. Попытка перевести социальное напряжение в другое русло в значительной мере побудила империалистические державы к войне. Но кризис всё равно разразился и охватил весь мир.

Однако, допустим, что ничего этого не произошло бы – ни войны, ни экономического кризиса, ни политического. Подумаем, сколько «крепких мужиков», на коих уповал Петр Аркадьевич Столыпин, осталось бы в «великой России», на восемь десятых крестьянской. Одна шестая? Одна пятая? И куда было деваться остальным? В Латинской Америке они заполняют фавелы, в Африке – бидонвилли, а у нас климат не тот. Вот вам и «великие потрясения». Не всех же устраивает такой прогресс, ради которого половине населения страны придется умирать с голоду.

Или, может быть, российская и зарубежная буржуазия стала бы наделять русских крестьян землёй, чего ожидали от неё иные «марксисты» меньшевистского толка? Да вот беда: она лучше их понимала свой прямой интерес. Большая часть помещичьих земель России была заложена в тех самых банках, которые контролировал англо-французский капитал и его российские партнеры. Чтобы провести аграрную реформу, и тем и другим пришлось бы экспроприировать самих себя, а к этому они, понятно, не стремились. Вот почему ни одна партия, кроме большевиков, и не могла дать землю крестьянам точно так же, как мир – народам.

Или возьмём те же иностранные капиталовложения, от которых многие ожидали – и ожидают по сей день – «современных» методов хозяйствования, лучшей жизни для трудящихся, «цивилизованного» разрешения конфликтов. Но зачем иностранный капитал пойдет туда, где реальная зарплата ненамного ниже, чем в метрополиях? Ему требуется

такая, которая в наших природных условиях, где не обойтись без тёплого жилья, зимней одежды, сносного питания, будет не просто низкой, а очень низкой, на грани выживания, а то и за этой гранью. Можно ли обойтись демократическими методами, если надо заставить людей не жить, а выживать (или вымирать)? И в дореволюционной России иностранный капитал отнюдь не нёс рабочим лучшей жизни и классового мира. Вспомним хотя бы Ленский расстрел 1912 г. и прообраз латиноамериканских «эскадронов смерти» на бакинских нефтепромыслах.

И это не случайность, не результат недостаточного развития российского капитализма, а его родовая черта. Страны Латинской Америки уже минимум двести лет развивают у себя капитализм, а разрыв между ними и метрополиями только возрастает. В любой стране, не попавшей до XIX в. в узкий круг метрополий, капитализм может развиваться только по зависимому пути. А значит, он будет нуждаться и в массовой нищете, и в экономии на народном просвещении и медицине, и в разжигании национальной и конфессиональной розни. Всё это совершенно закономерно, и ожидать иного, оставаясь на капиталистическом пути, – всё равно, что ожидать, чтобы электроды, погруженные в электролит, перестали его разлагать, оставаясь соединенными с источником тока. Вот мы и возвращаемся теперь в Россию, которую потеряли, правда, выглядит она совсем не по Говорухину.

Как ни крути, остается одно из двух: либо страна будет обречена на всё то, что потеряла в 1917 году и вновь обретает сейчас, сойдя с пути социализма, либо трудовой народ найдёт в себе силы справиться со своими эксплуататорами и создать своё государство. «Погибнуть или на всех парах устремиться вперёд – так, и только так, поставлен вопрос историей.» Так, по Ленину, стоял он более 80 лет назад. Так, и не иначе, будет стоять завтра.